

Stanisław Boridczenko

<https://orcid.org/0000-0002-5343-5388>

Instytut Historyczny Uniwersytetu Szczecińskiego

Просто сосед, паразит или враг–антагонист? Трансформация образа польско–российских отношений в школьных учебниках Российской империи (1721–1917)*

Аннотация: Каким образом авторы школьных учебников Российской империи описывали историю польско–российских отношений? Воспринимали ли они их в качестве извечного противостояния двух государственно–национальных организмов, или трактовали их в более позитивном ключе? А возможно, в Российской империи, не существовало определенного канона? Текст моей статьи является попыткой найти ответ на так поставленные исследовательские вопросы, опираясь на широкомасштабное исследование источников.

Zarys treści: W jaki sposób autorzy podręczników Cesarstwa Rosyjskiego opisywali relacje polsko–rosyjskie? Czy traktowali je jako przejaw odwiecznej rywalizacji dwóch organizmów państwowo–narodowych, czy też patrzyli na nie w sposób bardziej przychylny? A być może w Cesarstwie Rosyjskim nie istniał jeden spójny kanon? Poniższy artykuł stanowi próbę znalezienia odpowiedzi na tak postawione pytanie badawcze w oparciu o szeroko zakrojoną kwerendę źródłową.

Outline of content: How did imperial Russian textbook authors describe Polish–Russian relations? Did they treat them as a manifestation of the eternal rivalry between two state organisms, or did they look at them more positively? Or – maybe – was there no single consistent canon? The text of the following article attempts to find an answer to such a research question based on an extensive source search.

Ключевые слова: нарратив учебников, польско–российские отношения, поляки, Польша, Российская империя, исторический дискурс

* Praca powstała w wyniku realizacji projektu badawczego pt. „Historia w służbie cara. Obraz relacji polsko–rosyjskich w narracji podręcznikowej Imperium Rosyjskiego (1721–1917)” o nr BPN/BEK/2021/1/00081 finansowanego ze środków Narodowej Agencji Wymiany Akademickiej w ramach programu Bekker 2021.

Słowa kluczowe: narracja podręcznikowa, stosunki polsko-rosyjskie, Polacy, Polska, Cesarstwo Rosyjskie, dyskurs historyczny

Keywords: textbook narrative, Poland–Russia relations, Poles, Poland, Russian Empire, representation of history

0. Вступительное слово

Трудно оспоримым фактом является то, что первые и наиболее яркие образы прошлого мы, как общество, черпаем из школьных учебников по истории. Данный вид литературы содержит знания, которые государство стремится передать подрастающему поколению. Поэтому никого не удивляет, что государственные институты власти используют данные тексты в качестве инструмента гражданского воспитания¹. Подобное утверждение – с определенными оговорками – применимо и по отношению к школьному дискурсу иных эпох, когда система воспитания молодежи значительно отличалась от нам современной². А может быть, в силу ряда объективных причин – которые условно могли быть вызваны труднодоступностью информации – вышеотмеченное влияние нарратива учебной литературы на мировосприятие в более ранние эпохи, было даже более значительным, нежели во второй половине XX либо начале XXI века³.

Образы прошлого служат великолепным источником предрассудков и стереотипов о современной человеку реальности, и особенно, о «иных». Хотя сегодня стереотипы и принято считать чем-то негативным, однако на протяжении долгих веков именно они формировали национальную культуру ряда стран. Ведь трудно представить процесс появления современных наций без развития универсальной самоидентификации на основании категоризации мира на «я»-«он», «мы-они» и «наш-их». При отсутствии отнесения к образу условного «чужого» даже сегодня трудно говорить о групповом самовосприятии, будь то группа этническая, социальная, созданная по территориальному либо расовому признаку⁴.

¹ P. Seixas, *History in schools*, [в:] B. Bevernage, N. Wouters (eds.), *The Palgrave Handbook of State-Sponsored History After 1945*, London 2018, pp. 273–288.

² Более подробно суть школьного нарратива в классических империях XIX века была раскрыта в: P. Hofeneder, *Translating the border(s) in a multilingual and multiethnic society: Antemurale myths in Polish and Ukrainian schoolbooks of the Habsburg monarchy*, in *Rampart nations: Bulwark myths of East European multiconfessional societies in the age of nationalism*, New York–London 2019, pp. 241–262.

³ См. J.M. Mackenzie, *Imperialism and the school textbook*, [в:] J.M. Mackenzie, *Propaganda and Empire. The manipulation of British public opinion, 1880–1960*, Manchester 2017, pp. 181–220.

⁴ Подробнее о этнических стереотипах на лингвистическом уровне см. Е.Л. Березович, *Этнические стереотипы и проблема лингвокультурных связей*, „Etnolingwistyka” 20 (2008), с. 63–76.

Мышление стереотипическими категориями происходит не только по отношению к иным социальным группам, но и в отношении иных стран и народов. Подобное было отмечено такими выдающимися исследователями, как Бенедикт Зентара⁵ и Йозеф Лирсэн⁶. Тематике польско-российского взаимовосприятия и государственного влияния на него посвящено немало текстов⁷. Данная статья, однако предлагает новый взгляд на уже устоявшуюся проблему.

Нижеизложенный текст является относительно небольшим фрагментом гораздо более широкомасштабного исследования школьной литературы Российской империи. Он был написан на основании исследования, проведенного при использовании интердисциплинарного инструментария, характерного как для лингвистики, так и для истории. Отдельно хотелось бы отметить, что основой анализа первоисточников стало применение т.н. метода DIMEAN, хорошо известного европейским специалистам (в первую очередь, бесспорно, немецким и польским), занимающимися лингво-историческими изысканиями, однако менее популярного вне пределов Центральной Европы⁸. Таким образом основой исследования стал дискурс-анализ. Главной целью статьи является ознакомление читателя с основными моментами трансформации дискурса школьных учебников по отечественной истории в годах 1721–1917, описывающего проблематику польско-российских отношений⁹, а также с сопутствующими размышлениями на тему способа освещения исторического процесса и отношений между народом государствообразующим и народом подвладными в рамках учебного дискурса классической континентальной

⁵ См. уже классический текст B. Zientara, *Świt narodów europejskich*, Warszawa 2017.

⁶ J.T. Leerssen, M. Beller, *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey*, Amsterdam 2007; J. Leerssen, *National Thought in Europe: A Cultural History*, Amsterdam 2006.

⁷ Перечисление даже наиважнейших заняло бы несколько страниц, однако перечислим те, которые оказали наибольшее влияние на разработку гипотезы данной статьи: М.В. Лескинен, *Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности*, Москва 2010; В.А. Хорев (ред.), *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*, Москва 2002; K. Włachowska, *Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX w.*, Warszawa 2001; W.W. Kutiawin, *Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej*, [в:] *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*, Warszawa 2006, s. 411–441.

⁸ См. I.H. Warnke, J. Spitzmüller, *Wielopoziomowa lingwistyczna analiza dyskursu – DIMEAN*, „Tekst i dyskurs – text und diskurs” 2 (2009), s. 123–147.

⁹ В силу стремления к стандартизации терминологии, было принято решение в рамках данной статьи использовать термин «польско-российские отношения» вместо «польско-русских». Подобный шаг может быть выяснен стремлением обратить внимание на то, что под данными отношениями понимаются взаимоотношения не только между двумя государственными организмами (Польшей и Россией), либо представителями польского и восточнославянских этносов, но оба данных аспекта в совокупности.

империи с постколониальной перспективой¹⁰. Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что в центре внимания данного текста нашлась категория трансформации дискурса в качестве процесса, а не статичного явления (который стоило бы рассматривать на примере гораздо более короткого временного промежутка).

В качестве основной гипотезы было выдвинуто предположение о значимости вопроса польско-российских взаимоотношений для дискурса учебников по истории, использовавшихся школьной системой Российской империи. В качестве дополнения было сделано допущение о – как минимум временной – доминации восприятия польско-российских отношений сквозь призму противостояния двух народов (одним из которых был русский народ, авторами исследуемых учебников, как правило, понимаемый в качестве совокупности всех восточнославянских этносов) и государств в поздней Российской империи.

Хотелось бы отметить, что теоретические вопросы, связанные с системой среднего и начального образования Российской империи, а также учебных пособий по истории хорошо разработаны специалистами от соответствующих дисциплин¹¹. Более того существует специализированная литература предмета, посвящённая исключительно землям Речи Посполитой, вошедшим в состав Российской империи¹². Учитывая существующую литературу, в данном месте видится закономерным обозначение лишь наиболее важного аспекта представляемой проблематики. А именно – неоднородности системы школьного образования Российской империи¹³. Даже в самом кратком виде описание перипетий её становления требовало бы текста сравнимого своим объемом с полноценной статьей. На протяжении всего периода существования Империи – что и неудивительно – она постоянно эволюционировала. Отмеченное касается не только формального аспекта (иерархии

¹⁰ Что является альтернативой проблематике восприятия заморских колоний, неоднократно описанной в течении последних лет. См. F.J. Rash, *The Discourse Strategies of Imperialist Writing: The German Colonial Idea and Africa, 1848–1945*, New York 2017; L. James, *Raj: The Making and Unmaking of British India*, London 2010.

¹¹ На русском языке грандиозная работа в данном направлении была проделана Михаилом Тимофеевичем Студеникиным. М.Т. Студеникин, *Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI – начала XX вв.: монография*, Москва 2011; М.Т. Студеникин, *Приемы и методы обучения истории в русской школе XIX – начала XX вв.*, Москва 2016. Кроме того, на отдельное внимание заслуживает монография А.Н. Фукс, *Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII в. – вторая половина 1930-х годов)*, Москва 2010.

¹² Например, L. Zasztowt, *Kresy 1832–1864: szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej*, Warszawa 1997; A. Winiarz, *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831)*, Lublin 2002; L. Szymański, *Zarys polityki caratu wobec szkolnictwa ogólnokształcącego w Królestwie Polskim w latach 1815–1915*, Wrocław 1983.

¹³ Более подробно данный вопрос описывается в тексте статьи *Educational Discourse of Textbooks on Russian History as an Instrument for the Influence of Tsarism on the Mentality of its Subjects: an Attempt at Periodisation*, который вскоре должен быть опубликован в научном журнале “History of Education”.

учреждений школьного образования и самой системы школьного образования), но и, например, аспекта, связанного с применением учебной литературы (свободы педагогического коллектива в самостоятельном выборе учебников) и даже – процедуры написания и утверждения учебников органами, обладающими на то право (от первоначального отсутствия оной до детально проработанных требований к текстам).

Кроме того, из-за условностей формального характера, накладываемого на текст подобного рода, полный список исследованных материалов, которые стали базой нижеизложенного текста, приводится не будет. Однако, стоит отметить – исследование было проведено на выборке из 92 образцов учебной литературы Российской империи, часть из которой упоминается в комментариях к тексту. Разумеется, число учебных пособий было иным – по оценочным подсчетам, выборка составляет лишь 1/2 от общего массива. Однако, что важно, выборка производилась не только на основании доступности первоисточников, но значения для развития истории в качестве школьной дисциплины. Среди наиболее значимых публикаций нельзя отдельно не упомянуть наиважнейшие учебники, а именно учебные пособия авторства Николая Устрялова (учебникографа, который первым стал описывать историю Великого княжества Литовского в качестве интегральной части истории России), Дмитрия Иловайского (наиболее популярного учебникографа Российской империи и, пожалуй, самого влиятельного среди группы авторов серии «учительских учебников») и Сергея Платонова (учебник которого стал вершиной имперскороссийской исторической мысли, предназначенной для школьных учебных заведений), каждый из которых являлся важной вехой в развитии российской исторической учебникографии.

1. Период становления нарратива

Перед тем как перейти к описанию обнаруженных закономерностей нарратива учебной литературы Российской империи, описывающего проблематику польско-российских отношений, стоит отметить, что в рамках данной статьи его отсчет было решено вести от времен правления Петра I, а точнее – момента, когда он стал обладателем императорского титула. Разумеется подобная хронологизация в значительной мере является условной, так как первый учебник современного типа по истории России (как и сам предмет) был создан лишь во времена правления Екатерины II (утвержден для использования и того позднее – уже при ее сыне), а относительно функциональная система школьного образования создана лишь при Александре I¹⁴. Иными словами, корпус XVIII-вечных текстов и текстов с первых двух десятилетий

¹⁴ Более подробно на эту тему см. М.Т. Студеникин, *Становление и развитие...*, с. 47–102.

века XIX, является крайне немногочисленным. А сами учебные публикации, предназначенные для учеников, имели крайне мало общего с сегодня принятым понятием «учебник» – были это лишь учебные пособия, предназначенные для крайне ограниченного числа потребителей¹⁵. Однако обозначенный формализм позволил не только выделить ясные хронологические рамки при подборе первоисточников, но максимально широко и целостно проанализировать историю становления школьного нарратива Российской империи, без чрезмерной концентрации внимания на одном лишь этапе. Для упрощения выяснения используемой в данном тексте периодизации, уже в начале текста приводим сводную табл. 1, показывающую данные количественного анализа.

При проведении первоначального исследования разбивка на этапы не была проведена. Лишь *post factum*, опираясь на количественные данные проанализированных учебников, было выполнено их группирование. Что важно – количественные данные несмотря на определенную условность и усредненность обладают явно выраженной тенденцией в каждом отдельном случае (учебнике) нахождения в выявленном пределе с минимальными отклонениями, не превышающими 15–20%, от усредненного числа маркеров. Подобное, пожалуй, является самым лучшим доводом за разделение учебного дискурса Российской империи, посвященного Польше, на два этапа. Хотя, разумеется, при более подробном рассмотрении вопроса видится возможным и выделение большего числа периодов, позволяющих уменьшить вариативность отклонения от усредненного числа до порядка 10%. Тем не менее, при ознакомлении с основной направленностью трансформации дискурса, допущенное упрощение видится вполне разумным компромиссом позволяющим сконцентрировать внимание на более важных аспектах описываемой проблематики.

Табл. 1. Данные количественного анализа корпуса исследуемых текстов под взглядом числа упоминаний о Польше и поляках¹⁶

Временной промежуток	Среднее число лексемов обладающих семом относящимся к «польскому» маркеру; на 100 страниц текста
1721 – 1830 гг. в.	42
1830-е гг. (начиная от учебника Устрялова) – 1917	116

¹⁵ Кроме того, осознание властвующими элитами роли школьного предмета истории, как средства индоктринации учеников, по сути, отсутствовало. В контексте исторической политики данный вопрос был более широко описан в: W. Materski, *Od cara do „cara”. Studium rosyjskiej polityki historycznej*, Warszawa 2017, s. 26–29; М.Т. Студеникин, *Становление и развитие...*, с. 152.

¹⁶ Данная, и все последующие таблицы и графики основываются на данных авторского исследования.

В любом случае количественные данные является лишь частью гораздо более широкого образа. Главным итогом ознакомления с дискурсом школьной литературы стало обнаружение того факта, что учебники, появившиеся в первый век существования Российской империи, как правило, продолжали допетровскую русскую летописную традицию. Большинство выделенных фрагменты текстов, описывающих польско-российские отношения, трактовали их в относительно позитивном, либо как минимум нейтральном ключе (см. рис. 1)¹⁷. Что важно, подобный дискурс являлся доминирующим даже во времена правления Екатерины II (на которые пришлось разделение Речи Посполитой) и ее внука Александра I (присоединение к России земель Великого Герцогства Варшавского). Дискурс-анализ однозначно указывает на отсутствие каких-либо целенаправленных проб создания для Польши либо поляков в контексте описания их взаимоотношений с Россией и русскими негативного для них образа врагов или извечных противников. Если поляки и назывались врагами, то на основании утверждения о благородном характере противостояния двух государств¹⁸.

Результаты анализа указали на еще один интересный факт: проблематика польско-российских отношений на протяжении всего XVIII и первой трети XIX века была описываемо преимущественно с позиции нейтральной, либо – что среди незнакомых с проблематикой, может вызывать удивление – позитивной. Поляки и Польша представлялись образцом для подражания, союзником (в конфликтах с Турцией и Швецией) и важным партнером России в ряде иных сфер. В текстах однозначно не наблюдалось доминанции внимания лишь на одном аспекте отношений между государствами и народами, будь то аспект милитарный или экономический¹⁹.

¹⁷ В качестве основания для оценки нарратива применено дискурс-анализ, на основании которого все упоминания о Польше и поляках была разделены на: негативные, характеризующиеся использованием лексем с негативным набором сем (например, в контексте польско-российской вражды/противостояния), нейтральные (как правило, в контексте отношений с Польшей, как с любым иным государством-соседем) и положительные (польский образ предстает в виде образца для подражания и т.п.).

¹⁸ Как это имело место, например в М.В. Ломоносов, *Краткий российский летописец с родословием*, Санкт-Петербург 1760, *Синописе* в гражданской версии, *Новом Синописе* и, даже, в И.К. Кайданов, *Краткое начертание российской истории, составленное для руководства при первоначальном изучении российской истории профессором Иваном Кайдановым*, Санкт-Петербург 1834.

¹⁹ Заявление опирается на анализ всех упомянутых в вышеизложенном тексте первоисточников, а так же следующих работ: Т.С. Мальгин, *Зерцало российских государей с 862 по 1789 год*, Санкт-Петербург 1789; П.М. Захарьин, *Новый Синопис или Краткое описание о происхождении славенороссийскаго народа, владычествование всероссийских государей в Нове Городе, Киеве, Владимире и Москве*, Николаев 1798; И.В. Васильев, *Краткая история Государства Российского для начинающих*, Москва 1825; *История Государства Российского, в назидание юношества. Часть Первая*, Москва 1824; *История Государства Российского, в назидание юношества. Часть Вторая*, Москва 1824; И. Новиков, *Краткая*

Авторы учебных пособий нередко прямо умалчивали о трудных вопросах сосуществования двух государств (например притязаниях Московии на земли, некогда входившие в состав Киевской Руси; религиозных конфликтах между православными и католиками в Речи Посполитой и т.д.)²⁰. При описании же вооруженных столкновений России с Польшей нарратив явно не стремился придать им образ конфликта между двумя извечными врагами, а скорее трактовал, как вполне натуральное проявление природы тогдашних международных отношений²¹. Часто даже использовалось объяснение тех столкновений «диким временем», т.е. тем, что во времена, отдаленные от учеников, система международных отношений была гораздо менее цивилизованной и основывалась на наиболее примитивных принципах, таких как сила и насилие. Ярким маркером подобной нейтральности были используемые лексемы. Например, вопрос принадлежности земель Червонной Руси, как правило описывался исходя из того, что данные земли первоначально были захвачены/отобраны русскими правителями у поляков, что и положило начало продолжительному спору между двумя государствами²². Точно так же характеризовались все территории, включенные в состав Российского государства и находящиеся за Смоленском: авторы писали о *захватах* у поляков московскими властителями новых земель²³. В глобальном контексте лексемы, обладающие сематическими значениями, неотделимо связанными с Польшей и поляками, имели преимущественно положительное значение. Еще одним важным маркером является то, что полонизмы, которые изредка появлялись на страницах учебных пособий (например: шляхта, ясновельможный,

Российская история в пользу и употребление российского юношества, Москва 1803; И.Ф. Вегелин, *Начертание Российской Истории, в пользу начинающих, сочиненная Иваном Филиппом Вегелином*, Москва 1807; Ф. Янкович [авторство данной публикации является спорным, однако ввиду тематики текста в цели упрощения было решено выйти из наиболее популярной гипотезы], *Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи*, Санкт-Петербург 1799; П. Строев, *Краткая российская история: В пользу Российского юношества*, Москва 1814.

²⁰ Данное заявление опирается на сравнении содержания учебников с оговариваемого периода, и следующего за ним, описание которого может быть найдено во второй части статьи. Более того данный факт подтверждает и отнесение к исследованиям, проведенным на корпусе текстов из более поздних эпох. Например: Н. Składanowski, *Relacje sowiecko-polskie w podręcznikach do nauczania historii w systemie oświatowym Rosji bolszewickiej i ZSRS w latach 1917–1991*, Toruń 2014.

²¹ Для сравнения: о том, как образ вооруженных конфликтов использовался в более поздние эпохи в рамках state-sponsored history см. E.V. Roldan, E. Fuchs (eds.), *Textbooks and War. Historical and multinational perspectives*, London 2018

²² Например: Ф. Янкович, *Краткая российская история...*, с. 25, «Болеслав взял себе за сие отнятые у Польши [земли Червонной Руси]»; И. Кайданов, *Краткое начертание...*, 1834, с. 7, «Во время сих междоусобий, поляки отторгнули от России многия земли, завоевынныя Владимиром в Червонной (Красной) России».

²³ Данная тенденция была выделена практически во всех публикациях обозначенного периода – начиная от учебников Штриттера и Янковича и заканчивая пособием авторства Павла Строева.

посполитый) не являлись обладателями однозначно негативных семантических значений. В более позднее время подобный приём – приём использования польских слов в исключительно негативной коннотацией стал интегральной частью депривации польского образа²⁴.

Отдельно стоит отметить, что в течении первого века существования Российской империи образ Польши и тема ее взаимоотношений с Россией в рамках исторического дискурса оставался относительно малозначительным, относительно второстепенным. Дискурс учебной литературы концентрировался преимущественно на представлении свершений отдельных правителей России, а все остальные аспекты существования государства воспринимались лишь сквозь призму истории в качестве ряда свершений членов правящих династий. Из-за этого даже важнейшие внешнеполитические события (например, Ливонская война/серия казацких конфликтов и т.д.), как правило, описывались в качестве успехов/поражений отдельных царствующих особ. Соответственно, дискурс внушал читателю чувство определенной чуждости всех оговариваемых событий. В качестве ярчайшего примера стоит отметить, что даже разорение русских земель во время Великой Смуты трактовалось с позиции урона, нанесенного владениям Рюриковичей-Романовых, а не русским, как народа²⁵. Более того, сами русские/россияне в качестве этноязыкового сообщества на страницах школьной литературы практически не появлялись. Если до подобного и доходило, то исключительно в рамках противопоставления «нас» – подданных Романовых «им» – всем чужим.

Разумеется, подобный анахронизм не мог продолжаться долго. С течением времени авторы начали уделять все больше внимания государству российскому, а не персоналиям правителей. Учебник Павла Михайловича Строева²⁶ стал пионерским в данном вопросе, так как первым представил зарисовку истории России с перспективы *stricte* государственной. Именно он стал первым учебникографом, который перенёс большую часть наработок дискурса академического в учебник для школьной молодежи.

Отдельно стоит обозначить, что обозначенная второстепенность польского образа является релятивной и отмечается лишь в отношении целостного дискурса. Даже в условиях тотальной личностной апологетики монархам, проблематике польско-российских отношений уделялось внимания в разы больше, нежели вопросам взаимодействия с иными государствами (например, Швецией/Цесарством/Францией и т.д.). Таким образом нарратив уже в те времена выделял Польшу в качестве ключевого партнера России на международной арене, о чем ярко свидетельствует табл. 2.

²⁴ Более подробно описано во второй части данной статьи.

²⁵ Лучшая иллюстрация подобного – нарратив М.В. Ломоносов, *Краткой Российской летописец...*, с. 37–41.

²⁶ П.М. Строев, *Краткая российская история...*, 1814.

Табл. 2. Усредненное соотношений упоминаний о выбранных странах и народах в корпусе исследуемых текстов (для Польши принято значение 10)

	1721–1830-е гг.	1830-е гг. – 1917
Польша/поляки	10	10
Швеция/шведы	3	1
Турция/турки	4	3
Франция/французы	1	2

Весьма интересной является также позиция учебникографов с оговариваемого периода в вопросе границ между Россией и Польшей. Данный вопрос они упоминали крайне редко. В исключительных же случаях, когда тексты учебников затрагивали территориальный аспект, из них следовало, что каждая существующая между государствами граница является справедливой. Исключительное отношение прослеживается лишь по отношению к «кореным» великорусским землям, располагающимися к востоку от Смоленска. Именно смоленщина являлась той своеобразной чертой, на восток от которой каждая попытка польской экспансии воспринималась в качестве агрессии и покушения на территориальную целостность России²⁷. Все остальные же территории, даже «наследство Рюриковичей», т.е. земли, некогда входившие в состав Киевской Руси, воспринимались лишь в качестве законной собственности их текущего обладателя. Весьма характерным является использование авторами учебников по отношению к землям полученных Россией в результате разделов Речи Посполитой термина «польские»²⁸. Именно в качестве «польских губерний», либо «бывших земель Польши» они фигурировали в значительной части немногочисленных учебных материалах той эпохи²⁹.

Таким образом, на основании всего вышеописанного можно подвести промежуточные итоги. Анализ корпуса текстов, созданных в первый век существования Российской империи, выявил несколько важных закономерностей. Во-первых, на данном этапе исторический дискурс учебников по истории однозначно не трактовал польско-российские отношения в способ негативный, см. рис. 1. Элементы текста, негативно отзывающиеся о Польше

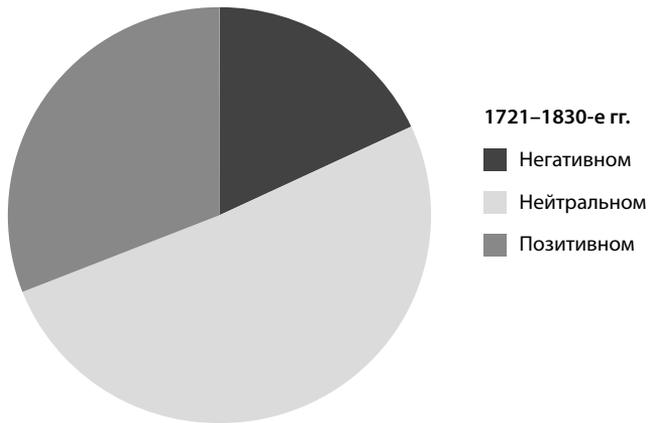
²⁷ Яркое свидетельство подобного проявляется на языковом уровне. Например, у Федора Янковича о землях, утерянных в результате Смуты, пишется «похищенные Российския области», Ф. Янкович, *Краткая российская история...*, с. 154.

²⁸ Например, как это было сформулировано Иваном Кайдановым «[Россия присоединила] восточная тогдашней Польши части», И. Кайданов, *Краткое начертание российской истории...*, с. 67.

²⁹ Между прочим: И. Кайданов, *Краткое начертание российской истории...*; Ф. Янкович, *Краткая российская история...*; С.Н. Глинка, *Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкой. Часть 7*, Москва 1819; И.Ф. Вегелин, *Начертание Российской Истории...*; М.П. Погодин, *Краткое начертание русской истории*, Москва 1838 и т.д.

либо поляках, как правило были направлены лишь против поздней Речи Посполитой. Главное обвинение, которое выдвигалось из учебника в учебник по отношению к ней (начиная с *Нового Синописа*³⁰), была её нежизнеспособность в качестве независимого государства и многочисленные внутрисударственные проблемы, противоестественные для государственной природы³¹.

Рис. 1. Сравнение контекстов, в котором упоминаются польско-русские отношения в учебной литературе Российской империи на примере корпуса исследуемых текстов, изданного в период 1721–1830-е гг.

Во-вторых, учебная литература не представляла Польши, либо поляков врагами России и русских. Наоборот, для поляков и Польши создавался образ партнеров, а в ряде материалов, и образца для подражания. Характеристичное, что все отмеченное – за исключение тезиса о упадке польской государственности – проявлялось в одинаковой мере в учебниках, созданных до и после разделов Речи Посполитой. Подобное свидетельствует о том, что, как минимум в рамках школьного исторического дискурса, приобретение новых территорий на Западе не стало причиной для переосмысления неофеодального восприятия исторического процесса. Ключевые изменения в данном вопросе принес конец 1830-х гг., а конкретно текст Николая Герасимовича Устрялова³², однако об этом в следующем параграфе.

³⁰ П.М. Захарьин, *Новый Синописис...*

³¹ Что интересно, обозначенная тезисная база стала классической и практически не подвергалась изменениям даже в рамках академического дискурса. См. Włachowska K., *Państwo, które ostać się nie mogło – spojrzenie historiografii rosyjskiej drugiej połowy XIX w. na dzieje Polski*, [в:] *W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XX w.*, (red.) U. Kosińska, D. Dukwicz, A. Danilczyk, Warszawa 2014, s. 499–522.

³² Н.Г. Устрялов, *Начертание русской истории, для средних учебных заведений*, Санкт-Петербург 1839.

2. Период коренного перелома в отношении к «польской проблеме»

Польское восстание 1830 года вкупе с началом распространения среди российской интеллигенции современной концепции национальной принадлежности (первоначально лишь в качестве теоретических концепции) не могли не привести к росту антипольских настроений среди элит, правящих Российской империей³³. Вероятно, немаловажное значение в подобном развитии событий сыграла и роль личности в истории. Если ранее правители мало интересовались национальным вопросом, а впоследствии на трон вошел Александр I, который считался полонофилом – с чем со многими оговорками трудно не согласиться – то его брат, Николай I, воспринимал поляков в качестве врагов и противников самодержавия³⁴. Кроме того, властвующие осознали необходимость описания истории ученикам школ с совершенно новой позиции. Не позиции исключительно апологетики властителей Всероссийских (другими словами, в согласии с каноном, обязующим в XVIII веке), но также и национально-народной, в которой общерусский народ является равноправным участником исторического процесса и нарратива, как и представители правящего дома³⁵. Все это вкупе создало предпосылки для выбора народа-архиврага («их»), который в рамках учебного дискурса являлся бы воплощением всего негативного³⁶.

Подобное наделение наций субъективностью профессиональными историками означало лишь одно – одна из групп населения должна была стать государствообразующей. Как нетрудно догадаться, таковым стал триединый российский народ³⁷. Однако в условиях XIX века, во времена, когда для большинства населения понятие нации или народа оставались абсолютно

³³ Данное явление и предпосылки к нему более подробно описаны в научном сборнике Л.А. Бережная, О.В. Будницкий, М. Долбилов и др., *Западные окраины Российской империи*, Москва 2007.

³⁴ В качестве дополнения к уже устоявшимся стереотипам о личностных предпочтениях упомянутых монархов стоит обратить внимание на текст, который освещает объективные причины такого, а не иного их отношения к данной категории подданных: Т.В. Андреева, *Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации*, «Вестник Санкт-Петербургского университета. История» 65/3 (2020), с. 721–749.

³⁵ На тему проникновения обозначенного конструкта в Российскую империю см. первую часть публикации А. Миллер, *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*, Москва 2010.

³⁶ В более широком контексте традиция выбора «противника» была описана в работе D. Lieven, *Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present*, London 2003.

³⁷ В данном случае термин *российский народ* кажется наиболее удачным способом отражения в современном русском языке конструкта триединого русского народа.

чуждыми и незнакомыми, подобные конструкты имели характер преимущественно теоретических и кабинетных (что в условиях империй XIX века отнюдь не являлось эвенементом)³⁸. По всей видимости это обусловило рост внимания к антагонистам, т.е. национальным меньшинствам населявшим Империю, ведь именно контрастные примеры и противопоставление «нас» «им» делало ясным и понятным абстрактный конструкт народа для конечного потребителя информации³⁹. Использование прескриптивной категоризации на «хороших – страдающих» и «плохих – причиняющих зло» делало дискурс не только предельно понятным, но и легко запоминающимся и чрезвычайно убедительным⁴⁰. Более того, подобная категоризация на своих-чужих являлась составной частью русской историографической традиции (и не только русской) даже в донациональные времена – ведь в летописях, при всей условности разделения славянских народов, явно отслеживалось понятие непохожести жителей Королевства Польского/Речи Посполитой и Великого княжества Московского/Русского царства. Тут стоит отметить, что первым учебником, в котором произошло обращение к данной традиции, и который задал тон нарратива посвященного польско-российским отношениям на очередные сто лет, стала публикация Николая Герасимовича Устрялова⁴¹.

Для большей наглядности стоит обратиться к возможности представить в иллюстрированном виде наиболее важный аспект проведенного дискурс-анализа, см. рис. 2. Иллюстрация свидетельствует о начале периода однозначной доминации негативного способа восприятия польско-российских отношений в период времени, начиная от публикации Николая Устрялова. При сравнении содержимого рис. 1 и рис. 2 можно однозначно утверждать, что в российских учебниках после 1839 года произошла окончательная стереотипизация и институционализация негативного образа истории польско-российских отношений. Однако представленная инфографика требует более подробного объяснения, без которого её контекст может оставаться неясным, либо – что еще хуже – двусмысленным.

В новом нарративе, который был предложен уже не раз упомянутым Николаем Устряловым, образ польско-российских отношений стал центральным пунктом восприятия действительности⁴². И тут стоит еще раз обратить внимание на содержание табл. 1, которая свидетельствует о росте числа

³⁸ См. J. Leerssen, *National Thought...*, pp. 2–46.

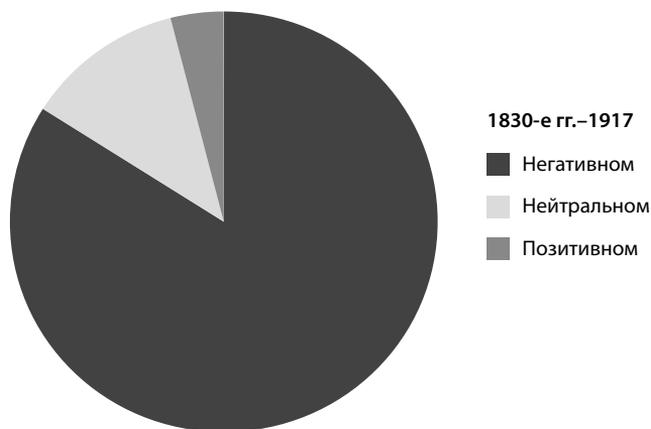
³⁹ О более широком контексте упомянутых изменений см. научный сборник D. Staliunas (ed.), *Making Russians – Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*, Amsterdam 2007, особенно pp. 71–129

⁴⁰ Подобное широко применялось во многих обществах, не только РИ, см. J. Leerssen, M. Beller, *Imagology...*, pp. 2–24.

⁴¹ Н. Г. Устрялов, *Начертание русской истории...*

⁴² В целях более широкой концептуализации описываемого явления см. A. Nowak, *Ofiary, imperia i historycy. Studium przypadków (od XVIII do XXI wieku)*, Kraków 2009, s. 43–75.

Рис. 2. Сравнение контекстов, в котором упоминаются польско-российские отношения в учебной литературе Российской империи на примере корпуса исследуемых текстов, изданного в период 1830-е гг. – 1917 г.

использованных лексем, апеллирующих к польскому образу. Двусторонние отношения перестали быть лишь одним из многих мотивов (наравне, например, с российско-турецкими или российско-шведскими), они стали самой «сценой», на которой происходило описываемое ученикам историческое действие⁴³. В качестве важнейшего элемента достижения российским народом своего имперского статуса стал восприниматься конфликт с Польшей и поляками о доминацию на землях Рюриковичей. Подобная метаморфоза, а именно внезапная концентрации внимания на теме противостояния произошла по двум причинам. Во-первых, из-за кардинального изменения отношения к истории Литвы, которую начали воспринимать в качестве интегральной части истории народа российского, а не истории чужого государства⁴⁴. Во-вторых, из-за уже упомянутого роста значимости концепта народа и национальной принадлежности⁴⁵.

В обозначенный промежуток времени в дискурсе учебной литературы произошло изменение парадигм, что было выявлено благодаря дискурс-анализу: в своих текстах авторы учебной литературы начали трактовать Польшу и поляков исключительно через призму польско-российского

⁴³ В целях более близкого ознакомления с интеллектуальными конструктами, стоящими за подобным изменением, стоит ознакомиться с: Н.Г. Устрялов, *Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское*, Санкт-Петербург 1839.

⁴⁴ K. Włachowska, *Narodziny imperium...*, s. 71–89.

⁴⁵ Который во многом был связан с изменением мировосприятия и началом политики национализации окраин империи, см. Л. Бережная, О. Будницкий, М. Долбилов и др., *Западные окраины...*, особенно с. 177–207.

конфликта о доминацию в Восточной Европе⁴⁶. На первый план при описании взаимоотношений двух народов вышел вопрос существования русских. Соответственно, Польша и поляки были признаны символическими врагами, препятствием на пути развития Российской империи⁴⁷. Как результат, поляки стали отождествляться с соперником и противником, а польская государственность приобрела значение синонимальное «оккупанту» и «истязателю» простого русского человека⁴⁸. Классическое разделение на «нас»/«их» стало фактом. Параллельно этому начался процесс наделения польского образа все большим числом черт, характерных для литературного антагониста и злодея⁴⁹.

Изменение отношения к польскому вопросу неразрывно было связано с субъективизации русского народа в качестве категории исторического процесса в рамках концепции «Западной Руси», также известного в качестве «западнорусизма» (впервые появившаяся в учебнике Устрялова). В сокращении главная ее идея – тезис о существовании двух альтернативных России, одна из которых, Россия (либо Русь) Литовская отождествлялась с Великим княжеством Литовским. Соединение польского и литовского государств в дуальную конфедерацию, согласно данной концепции, означало конец западнорусского общества и начало его целенаправленной оккупации и угнетения поляками⁵⁰.

Именно в ее рамках русские впервые стали самостоятельным актером исторического процесса, что замечательно отслеживается в дискурсе учебной литературы⁵¹. Между иными яркими индикаторами является то, что авторы начали использовать такие метафизические категории, как *желания, ожидания, страдания* и т.п. русского народа, чего до введения в дискурс западнорусизма

⁴⁶ Что важно, данное заявление относится лишь к результатам нашего исследования. Теме того, как ситуация с польским вопросом выглядела в контексте широко понимаемой историографии, посвящен текст Л.М. Аржакова, *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке*, Санкт-Петербург 2010.

⁴⁷ Для сравнения см. М.Д. Долбилов, *Полонификация и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг.*, [в:] Л.Д. Гудков (сост.), *Образ врага*, Москва 2005, с. 127–174.

⁴⁸ В данном месте трудно не обратить внимание те же самые процессы, но в более широком контексте, что было замечательно описано в Л.Е. Горизонтов, *Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше*, Москва 1999.

⁴⁹ Подобная тенденция происходила и в иных сферах применения языка, см. научный сборник Д. Сдвижков, И. Шерли, А. Миллер (ред.), *«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода*, т. II, Москва 2012, особенно с. 259–292.

⁵⁰ Более подробно, хоть и с белорусской перспективы, данная концепция была описана в начале XX века в монографии А. Цьвікевіч, *«Западно-русизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.*, Минск 1993.

⁵¹ Отмеченное особенно интересно сравнить со сценариями русского царизма, использующими народ в качестве источника легитимности: R.S. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*, Princeton 1995, pp. 98–120, 142–166.

не отмечалось. Причиной разработки упомянутой концепции, судя по всему, стало стремление к обоснованию имперских реалий, а конкретно попытка закрепления справедливости западных границ Российской империи и расширение почвы для политики русификации западных губерний⁵². Ново созданный конструкт подчеркивал справедливость вхождения в состав Российской империи земель бывшей Речи Посполитой (за исключением территорий *коренной Польши*, нахождение которых в составе империи будило противоречивые эмоции)⁵³. Более того, использование классического разделения на «нас – народ русский» и «их – поляков» позволило ясно очертить ментальную границу между землями, *исконно* русскими и Польшей, а также подчеркнуть общность всех восточнославянских этносов, независимо от объективно существующих между ними различий, которые возникли как раз из-за продолжительной истории нахождения белорусских и украинских земель в составе польского государства⁵⁴.

О значимости польской проблематики для нарратива учебников по истории свидетельствуют результаты трактовки проведенного контент-анализа. На основании количественного измерения упоминаний о польско-российских взаимоотношениях по отношению к общему объему отдельных публикаций удалось установить, что начиная с конца 1830-х гг., темы в тот или иной способ, описывающие «польский вопрос», начали занимать от 1/10⁵⁵ до ¼ их объема⁵⁶. Указанные цифры ясно дают понять, что польско-российские взаимоотношения были не просто «важным» или «первоочередным» вопросом, но стали ключевой составляющей исторического дискурса; вопросом первостепенной важности.

В большинстве учебников, созданных во второй половине XIX – начале XX века, целые параграфы, а иногда даже главы посвящались истории исключительно Польши/Речи Посполитой без каких-либо отсылок (либо

⁵² См. D. Staliunas (ed.), *Making Russians...*, особенно, pp. 279–300. Кроме того, в отмеченном контексте на особое внимание заслуживают М.Д. Долбилов, *Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, Москва 2000, с. 133–207; Т. Weeks, *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863–1914*, DeKalb 1996.

⁵³ На тему восприятия границ России её жителями см. Л.Е. Горизонтов, *Познавая Российскую империю: ментальные карты протонародья и образованного общества во второй трети XIX века*, „Родина” 12 (2013), с. 43–46.

⁵⁴ Более подробно описано в заключении к К. Włachowska, *Narodziny imperium...*

⁵⁵ Например, в К.А. Иванов, *Учебник русской истории*, Санкт-Петербург 1906; А.Я. Ефименко, *Учебник русской истории*, Санкт-Петербург 1909; В.Н. Строев, *Систематический курс русской истории*, Москва 1917, и т.д.

⁵⁶ Например, в П.Ф. Дворников, *Русская история*, Москва 1907; И.В. Скворцов, *Русская история*, Санкт-Петербург 1907; И.И. Белярминов, *Элементарный курс всеобщей и русской истории*, Санкт-Петербург 1910; С.М. Соловьев, *Учебная книга русской истории*, Санкт-Петербург 1859–1860, и т.д.

с минимальными отсылками) к русскому государству⁵⁷. Появились даже учебные пособия, по сути, посвященные исключительно интерпретации истории польско-русского противостояния за земли и души Великого княжества Литовского (Западной Руси)⁵⁸. В подобных фрагментах описывались темы, связанные непосредственно с польской историей, особенно проблематика сосуществования двух этносов – поляков и русских, а также двух конфессий – католиков и православных в рамках польского государства. Таким образом, произошло удивительно и редко встречающееся явление – история покорённого народа оказалась полностью интегрирована в историю поглотившей ее империи⁵⁹.

Ко второй половине XIX века *rerum gestarum* посвященный польско-русским отношениям в учебной литературе приобрел характер максимально шаблонного и одностороннего; направленного лишь на одно – подчеркивание негативной для русских природы взаимоотношений между двумя народами⁶⁰. Главной посылкой стало стремление вызвать у читателя чувство соучастия и «справедливого» гнева по отношению к «подлым» ляхам. Необходимо отметить, что нарратив российской учебной литературы умышленно или нет, но велся исходя из предположения, что единственным потребителем презентуемой информации является представитель восточнославянских этносов, соответственно авторы не стеснялись в использовании разнообразных стилистических средств направленных на как можно большее очернение «злых» поляков. Подобное не могло не вызывать возмущения среди тех, кто описывался таким языком⁶¹. Пожалуй, наиболее яркая иллюстрация подобного – хоть и несколько выходящая за пределы восприятия

⁵⁷ Например, Д. Иловайский, *Краткие очерки русской истории. Приспособленные к курсу средних учебных заведений*, Москва 1860; Д. Иловайский, *Сокращенное руководство к русской истории: для младшего возраста*, Москва 1862; И.И. Белярминов, *Элементарный курс русской истории*, Санкт-Петербург 1891; М. Острогорский, *Учебник русской истории. Элементарный курс. С рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторения. Для III класса гимназий и реальных училищ*, Санкт-Петербург 1897; С. Соловьев, *Учебная книга русской истории*, Москва 1859–1860; А.Я. Ефименко, *Учебник русской истории*, Санкт-Петербург 1909; С.Ф. Платонов, *Учебник русской истории для средней школы: курс систематический в двух частях: с приложением пяти карт*, Санкт-Петербург 1911.

⁵⁸ А конкретно труд, А.О. Турцевич, *Русская история (в связи с историей Великого княжества литовского)*, Вильна 1894.

⁵⁹ А. Haddour, *Colonial Myths...*, pp. 3–12.

⁶⁰ В принципе, отмеченное явление затрагивало не только – и не столько – учебный дискурс, но имперско-русский дискурс, как целостность. Обозначенной проблематике посвящена Н. Głębocki, *Fatalna sprawa: kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*, Kraków 2000.

⁶¹ Чрезвычайно ценную информацию на тему успешности/неуспешности использования учебного процесса (правда в рамках кадетских корпусов) в целях уничтожения польской идентичности среди школьной молодежи содержит W. Caban, *Młodzież polska w rosyjskich korpusach kadetów w XIX wieku: wybrane problemy*, [в:] Stefan Żeromski, *twórca, działacz, obywatel: materiały ogólnopolskiej konferencji naukowej*, Kielce 2019, s. 9–35.

учебных пособий по отечественной истории – содержится в воспоминаниях Василия Григорьевича Смородинов⁶² о реакции польских учеников на «гоголевский год». Имперский чиновник в своих мемуарах прямо пишет о том, что излишне жёсткий в своей антипольскости нарратив явился лишь топливом для усиления антироссийских настроений среди польской молодежи. Однако рассуждения на тему восприятия и реакции на учебный дискурс современниками не входят в задачи данного текста.

Анализ корпуса текстов ясно дал понять, что период максимального антипольского дискурса выпадает на вторую половину XIX века⁶³. Достигнутый уровень антипольскости, ни позднее, ни раньше не встречался. Данный факт может быть объяснен тем, что это было время после очередного восстания на землях бывшей Речи Посполитой⁶⁴, а также период создания массовой системы образования в результате земской реформы и, соответственно, безоговорочного господства учительских учебников. Дискурс данного вида школьных материалов основывался на простоте изложения ими фактологии, часто переходящей в примитивность. В условиях Российской империи и массовой неграмотности населения, подобный подход, несомненно, находился в гораздо более выигрышной позиции нежели академический способ изложения материала, который даже при полном соответствии официальной историографии мог оставлять определенное пространство для двусмысленной трактовки событий минувших дней⁶⁵. Способ описания польско-русских отношений не мог не стать жертвой подобного упрощения. Нарратив приобрел характер карикатурного, не оставляющего никаких сомнений в извечном конфликте двух народов и стран. Описывая его, пожалуй, можно даже рискнуть и выдвинуть предположение о наделении лексем «поляк» и «Польша» семом «плохой», «антирусский»/«русофобский».

Если апологет направленного против Польши и поляков нарратива был достигнут в серии т.н. учительских учебников по истории, то вершиной их развития стала серия учебных пособий от Дмитрия Ивановича Иловайского⁶⁶. Дискурс его учебников с полным правом можно признать проявлением полонофобии в ее наиболее классической форме, т.к. все языковые

⁶² W.G. Smorodinow, *Moja służba w Warszawskim Okręgu Naukowym i zdarzenia ze szkolnego życia. Wspomnienia pedagoga*, Kielce 2003.

⁶³ В качестве образца подобного нельзя не упомянуть уже не раз упомянутую серию учебных пособий Иловайского, а также, автора ряда популярных учебных пособий, одновременно являющегося бюрократом от системы образования, Ивана Ивановича Белярминова.

⁶⁴ См. Н. Głębocki, *Fatalna sprawa...*

⁶⁵ Однако, академическая история не могла не оказывать свое влияние на массовое сознание. О том как она повлияла на становление русского национализма см. A. Kappeler, *Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen*, [в:] *Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart*, A Kappeler (Hg.), Köln 1990, SS. 24–25.

⁶⁶ Д.И. Иловайский, *Краткие очерки русской истории...*; Д.И. Иловайский, *Сокращенное руководство к русской истории...*

и стилистические средства написанных им учебных пособий были направлены на депривацию польского образа. Тексты Иловайского выделяла безапелляционная однозначность авторской позиции – например, в поздних редакциях учебников, Дмитрий Иванович⁶⁷ пропагандирует идею невозможности сосуществования русских и поляков в рамках одного государства по причине того, что народный характер поляков является угрозой для российской государственности. Более того, даже вхождение земель Польши (под коими он понимает лишь земли за Бугом), он, а также ряд иных авторов, называет актом польского коварства, который удался лишь благодаря обману добродушного Александра I польской аристократией. В качестве апогея подобного подхода необходимо отметить прямую констатацию факта «излишности» польских земель в составе Российской империи. Подобные рассуждения к началу XX века стали своеобразным каноном учебного нарратива. В учебных материалах польский народ стал наделяться исключительно антирусскими народными чертами, а сами поляки представляться в качестве врагов православия, угнетателей крестьян, анархистов, бунтовщиков и цареубийц.

В конце 80-х гг. XIX века начинается процесс постепенного уменьшения популярности учительских учебников в пользу учебников профессорских⁶⁸. С точки зрения дискурса это означало закат примитивной апологетики демонизации польского образа и польско-российских отношений через их сведение исключительно до образа противостояния между «нами-хорошими» и «ими-плохими». Уже устоявшийся канон «поляка-врага» пополнился новыми аспектами и темами, которые ранее авторами учебных пособий игнорировались. Например, все более важное значение начала приобретает тема конфликта между двумя государствами за главенство в регионе и среди славян; о противостоянии двух политических систем: шляхетская республика *contra* самодержавие; о экономических предпосылках экспансии российского государства. Однако, что важно, подобные изменения нарратива абсолютно не означали отказа от созданной парадигмы, а конкретно освещения истории исходя из вступительного посыла о «злых поляках» и натуральности польско-российской враждебности⁶⁹.

Если во второй половине XIX века (и раньше) антипольскость материалов, как правило основывалась лишь на тоне дискурса, который старательно подчеркивал разнообразные негативные качества польского народа, а также перечислял многочисленные несправедливости, причиненные польским

⁶⁷ Например, в версии учебника, изданной уже в начале XX века: Д. Иловайский, *Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста*, Москва 1912, с. 304. «После Финляндии это [Польша] была вторая окраина, поставленная в привилегированное положение по отношению к коренной России, еще более ей враждебная, но гораздо менее для нее необходимая».

⁶⁸ См. А.Н. Фукс, *Школьные учебники...*, с. 192–271.

⁶⁹ Отмеченная тенденция проявлялась и в более широком контексте историографии см. М.В. Лескинен, *Поляки и финны...*, с. 242–243, с. 310–316.

государством народу русскому, то в начале нового века нарратив начал выходить уже из вступительного заложения о невозможности мирного сосуществования двух государств и народов.

Ярким лингвистическим маркером стало расширение номенклатуры негативных сем ряда лексем ассоциируемых с широкопонятым польским образом. Например, такие слова, как «пан», «поляк», «шляхтич» приобрели ярко выраженные негативные значения; более того, все так или иначе связанные с Польшей и поляками лексемы получили однозначно негативный сематический компонент⁷⁰. Что интересно, подобная семантическая тенденция учебникографии шла вразрез с трендами, отмечаемыми в иных сферах применения русского языка⁷¹, что ярко свидетельствует об отношении имперской бюрократии к польскому вопросу. Интересный момент, что появлявшиеся на страницах учебников польские лексемы (например, жолнеж – *żołnierz*, ржонж – *rząd*) использовались лишь в цели высмеивания поляков, а также в цели подчеркивания несостоятельности их претензий на какую-либо самостоятельность. Идеальный пример подобного может быть встречен в учебнике профессора Платонова. Используя транслитерацию польского термина учебникограф стремился выразить нулевую совместимость понятия законного, имперского «правительства» с польским «жондом народowym»: «Мятежом руководил тайный комитет с именем «*ржонда народowego*», то есть народного правительства. Он держал в страхе всю страну системой террора и казнями лиц, шедших против восстания»⁷².

Выше отмеченное стремление к приданию антипольскому нарративу внешне научного характера в учебной литературе во многом обуславливалось реалиями начала XX века. Колониальный тип мышления вкупе с распространяющимся среди низших сословий национализмом и шовинизмом не могли не привести к изменению нарратива учебной литературы в типично колониальной империи⁷³. Главной сентенцией появлявшихся в этот период в колониальных державах историографических мотивов стала тема цивилизационной миссии собственного народа и подчеркивание натуральности существующего положения дел⁷⁴. Подобное отношение к «нецивилизованному

⁷⁰ Более подробно было рассмотрено в S. Boridczenko, *Does pan mean the enemy? Semantic analysis of pan in the context of the description of the historical process by textbooks of the Russian Empire on national history*, "Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik" 66/1 (2021), SS. 70–81.

⁷¹ Д. Сдвижков, И. Шерл, А. Миллер, (ред.). «Понятия о России»..., с. 259–292.

⁷² С.Ф. Платонов, *Учебник русской истории для средней школы*, Москва 1917, с. 182.

⁷³ Что являлось крайне типичным явлением для Европы тех времен, см. сборник A. Miller, S. Berger (eds.) *Nationalizing Empires (Historical Studies in Eastern Europe and Eurasia)*, Budapest–New York 2015.

⁷⁴ Что важно, отмеченное касается не только исторического дискурса. С тем, как это выглядело в случае литературы можно ознакомиться в E.M. Thompson, *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*, Westport–London 2000.

миру» могло быть прослежено в историографии большинства великих держав, начиная от второй половины XIX века⁷⁵. Данные рассуждения стали основой восприятия окружающего мира. Таким образом тезис о высести собственной нации по отношению ко всем остальными стала частью дискурса, обязующего в школах. Российская империя в обозначенном вопросе не отставала от иных, а может даже и опережала их⁷⁶.

Однако в контексте наших рассуждений хотелось бы ответить, что природа описания польско-российского противостояния имела специфическую форму, делавшую ее исключением в классической формуле мировосприятия «колония-метрополия». Типично колониальный дискурс, использовавшийся в других империях, основывался на использовании таких понятий, как «цивилизационная миссия», «бремя белого человека» и «приобщение к благам цивилизации»⁷⁷. В случае же освещения польско-российских отношений русские авторы, как правило, воспринимали данные отношения совершенно иначе: признавали как минимум паритет двух народов; ряд авторов⁷⁸ писал даже о цивилизационном превосходстве поляков (которое трактовалось как удивительная способность к землячеству, взаимовыручке и неиссякаемая преданность «Польше»). Таким образом создавался своеобразный дискурс *обратной колонизации*⁷⁹, согласно которому именно русские являлись народом угнетаемым и колонизируемым «плохими» поляками. Что важно, подобный образ польского колонизатора находил применение в *regum gestarum*, относящегося как к событиям авторам современным (т.е. истории XIX века), так и более отдаленных эпох (например, времен Речи Посполитой).

Учебником, который стал своеобразным итогом всех более ранних наработок была публикация Сергея Фёдоровича Платонова⁸⁰, которая даже

⁷⁵ Пример Британской империи замечательно описан в: E. Cleall, *Missionary discourses of difference: Negotiating otherness in the British Empire, 1840–1900*, Basingstoke 2012; Германской – в: F.J. Rash, *op. cit.*

⁷⁶ Что во многом является повторением тезиса (хотя в случае данного текста, опираясь о чрезвычайно узкую проблематику) неоднократно появлявшегося в работах Алексея Миллера. См. например, A. Miller, *The Romanov Empire and the Russian Nation*, [в:] *Nationalizing Empires...*, pp. 309–368.

⁷⁷ A. Haddour, *Colonial Myths...*, pp. 42–92.

⁷⁸ К примеру, Александра Яковлевна Ефименко, Александр Иванович Боргман, Арсений Осипович Турцевич и, бесспорно, Моисей Яковлевич Острогорский вместе с Дмитрием Ивановичем Иловайским

⁷⁹ Т.е. нарратива, при котором колония наделяется качествами метрополии. Колония воспринимается в качестве паразита, использующего покровительство центра в своих собственных целях и не дающая ничего взамен своей метрополии. Явление более подробно описано в находящейся в публикации статье *Is it possible to be a colony of one's own colony? On the not-so-obvious way that textbooks of the Russian Empire interpreted the contemporary history of Polish-Russian relations.*

⁸⁰ С.Ф. Платонов, *Учебник русской истории для средней школы...*, Москва 1909.

в условиях нарастающей внутригосударственной нестабильности, а позднее – мировой войны быстро приобрела популярность⁸¹. Ее содержание полностью отражало все вышеописанные тенденции, характерные для учебной литературы начала XX века: антипольский дискурс в нем перестал быть воинствующим и стал более мягким. Поляки стали восприниматься в качестве «непокорных детей» – в ряде вопросов талантливых и даже опережающих русских, но в долгосрочной перспективе не способных к существованию вне пределов Российской империи. Данное учебное пособие можно считать своеобразной точкой в почти двухвековом дискурсе, который первоначально характеризовался нейтральностью, а затем враждебностью по отношению к западному соседу. Окончательный конец имперской учебникографии и дискурсу положила Первая мировая война и отречение Романовых от престола.

3. Вместо заключения

В результате анализа корпуса текстов удалось выявить несколько явлений, тесно связанных с процессом становления канона (канонов) нарратива, описывающего польско-русские отношения в школьной литературе Российской империи.

И уже в данном месте нельзя не обратить внимание на то, что практически для всех выявленных тенденций переломными стал перелом 1830–40-х гг., который является своеобразной границей между двумя канонами описания проблематики польско-русских отношений в учебной литературе Российской империи⁸². Значимость изменений в дискурсе, произошедших в отмеченный промежуток времени, была настолько велика, что использование термина «двух канонов» кажется вполне оправданным. Различия между нарративом учебной литературы касаются практически всех составляющих восприятия двусторонних отношений. Об этом свидетельствуют как качественный, так и количественный анализы исследованного корпуса текстов. Хотя, что особенно важно, обозначенные изменения явно не стоит считать по своей природе обладающими революционным характером, так как они скорее являлись логическим итогом изменений, происходивших в окружающей авторов реальности, а именно – формирования такого конструкта,

⁸¹ А.Н. Фукс, *Школьные учебники по отечественной истории...*, с. 171.

⁸² Что важно – хоть и происходило изменение отношение к истории, однако все каноны могут считаться продуктами «традиционной» методологии исторических исследований. Т.е. ни в коем случае нельзя писать о качественном скачке в трансформации базиса науки о прошлом. На данную тему см. Л. Заштовт, *Новая история стран и народов Центральной и Восточной Европы в историографии рубежа XX–XXI веков: между традиционной и постмодернистской интерпретацией*, „Славяноведение” 3 (2022), с. 89–107.

как современная нация, и соответствующего развития национализма среди как русских, так и поляков.

Интерпретация результатов анализа корпуса текстов позволила выявить то, что в течении первого века существования Российской империи дискурс, посвященный польско-российским отношениям, имел характер типичного для средневековых летописей, а шире – для феодального типа дискурса, т.е. взаимоотношения между государствами и народами трактовались преимущественно с перспективы властвующих монархов: в центре нарратива находился образ правителей. Таким образом вопрос отношений России с иными государствами оставался мотивом редко упоминаемым и глубоко второстепенным; при освещении польско-российских отношений явно доминировала позиции нейтрального восприятия действительности, а сами поляки и Польша трактовались способом, как можно более нейтральным, либо даже позитивным (в качестве образца для подражания и «учителей»). С содержания учебных пособий вытекало, что отношения с Польшей, по своей сути являлись сугубо делом правителей русского государства.

Начиная с XIX века, что в контексте описания польско-российских отношений стало особенно заметным под конец 1830-х гг., дискурс учебных пособий Российской империй начал изменяться на типично колониальный и националистический. В учебниках начал формироваться отчётливый российскоцентристский, националистический и консервативный дух трактовки событий из прошлого. В центре внимания нашелся русский народ и российское государство, которым противопоставлялись многочисленные «враги», главным из которых стали поляки и польское государство⁸³. О подобном свидетельствует, например то, что описанию различных аспектов взаимоотношения двух государств (а также «народов») начато посвящать целые параграфы, а иногда и разделы учебников. В некоторых из них – например учебнике Устрялова – интерпретация взаимодействий двух актёров занимала более четверти от общего объёма текста.

Следовательно, произошла смена способа восприятия исторического процесса, в результате которой в школьной учебной литературе за Польшей закрепился образ извечного врага, а сами двусторонние отношения стали восприниматься с позиции борьбы двух народов за право существования в качестве самостоятельного субъекта политического процесса, в которой может выиграть лишь одна из сторон. Борьба двух врагов, на которую обречены оба народа стали своеобразным лейтмотивом восприятия действительности; уничтожение Речи Посполитой стало символом успеха Российской империи, свидетельством начала русской золотой эпохи; сохранение текущего состояния дел (т.е. российской власти над поляками) – задачей, стоящей

⁸³ О семантике понятия *нация* и *империя* в Российской империи см. Д. Сдвижков, И. Шерли, А. Миллер (ред.). «Понятия о России»..., с. 7–145.

перед подрастающим поколением, если оно хочет видеть Россию в числе великих держав⁸⁴.

Подобный вывод подтверждает неоднократно отмечаемую разными исследователями динамику политики империи в отношении Польши, которая ужесточалась по мере роста противостояния, от Польского восстания 1830–1831 гг. к Польскому восстанию 1863–1864 гг.⁸⁵ Однако стоящим внимания представляется то, что в рамках данного текста удалось провести четкую грань между двумя канонами учебного нарратива Российской империи в контексте освещения им «польского вопроса». А именно, между дискурсом, характерным для первого века существования Российской империи, когда поляки и Польша воспринимались в качестве условно равнозначного со всеми иными субъектами участником исторического процесса и второй половиной её существования – периодом, когда вопрос противостояния России с Польшей стал в полном того слова значении, ключевым при представлении истории отечества.

Что интересно, кроме всего этого удалось установить, что учебные пособия с первой половины XIX века вполне явственно начали отходить от монархоцентрического способа восприятия исторического процесса в сторону восприятия истории в качестве отношений между *народами* (концепция, которая стала доминирующей начиная с учебника Николая Устрялова⁸⁶) и *государствами* (концепция, введенная и активно использовавшая, начиная от учебника Павла Строева⁸⁷). Таким образом, исследование позволило взглянуть на проникновение в русский дискурс таких конструктов, как нация и государство с абсолютно новой, и неожиданной, перспективы. По всей видимости, в России, в учебных материалах, данные концепции начали приобретать значение максимально близкое к современному (как минимум на уровне отсылок к «польскому вопросу») гораздо раньше, чем в иных видах дискурса⁸⁸. Разумеется, отмеченный факт относится лишь к дискурсу содержащимся в учебниках предназначенных для школ Российской империи. Однако, даже в так ограниченном виде подобное замечание открывает широкие перспективы для далекоидущих размышлений, а возможно, и исследований обозначенного вопроса.

⁸⁴ В определенной степени данное умозаключение повторяет несколько более радикальные выводы, который может быть почерпнут из текста А. Nowak, *Metamorfozy Imperium Rosyjskiego 1721–1921. Geopolityka, ody i narody*, Kraków 2018.

⁸⁵ Восхитительной иллюстрацией чего является постепенная радикализация позиции одного из ключевых историков той эпохи: М.П. Погодин, *Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867*, Москва 1867.

⁸⁶ Н. Устрялов, *Начертание русской истории...*

⁸⁷ П. Строев, *Краткая российская история...*

⁸⁸ Подробный анализ трансформации ряда ключевых понятий подробно описан в уже упоминавшемся в тексте двухтомном сборнике: «*Понятия о России*»...

Sąsiad, pasożyt czy antagonistą? Historia ewolucji sposobu ujęcia problematyki relacji polsko-rosyjskich w podręcznikach szkolnych Cesarstwa Rosyjskiego (1721–1917)

Streszczenie

Artykuł przedstawia wyniki studiów nad przemianą obrazu stosunków polsko-rosyjskich prezentowanych w podręcznikach do historii narodowej Imperium Rosyjskiego, również w kontekście studiów postkolonialnych. Jako główną hipotezę przyjęto założenie, że temat stosunków dwustronnych był kluczowy dla narracji podręcznikowej i odgrywał istotną rolę w dyskursie historycznym na temat rosyjskiej przeszłości (i teraźniejszości). Podstawą badawczą artykułu była interdyscyplinarna analiza tekstów 92 podręczników napisanych w latach 1721–1917.

Just a Neighbour, a Parasite, or an Antagonist? Transformation of the Image of Polish-Russian Relations in School Textbooks of the Russian Empire (1721–1917)

Abstract

The article presents the research on the main characteristics of the transformation of the image of Polish-Russian relations in textbooks on the national history of the Russian Empire, as well as some reflections on the topic within the context of post-colonial study. As the central hypothesis, it is suggested that the topic of bilateral relations was crucial for the textbook narrative and played a vital role in the historical discourse about the Russian past (and present). The text is based on an interdisciplinary analysis of the texts of 92 textbooks written between 1721 and 1917.

Библиография

Исследования

- Błachowska K., *Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX w.*, Warszawa 2001
- Błachowska K., *Państwo, które ostać się nie mogło – spojrzenie historiografii rosyjskiej drugiej połowy XIX w. na dzieje Polski*, [w:] *W cieniu wojen i rozbiorów. Studia z dziejów Rzeczypospolitej XVIII i początków XX w.*, U. Kosińska, D. Dukwicz, A. Danilczyk (red.), Warszawa 2014, s. 499–522
- Boridzenko S., *Does pan mean the enemy? Semantic analysis of pan in the context of the description of the historical process by textbooks of the Russian Empire on national history*, [w:] *Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik* 66/1 (2021), SS. 70–81
- Caban W., *Młodzież polska w rosyjskich korpusach kadetów w XIX wieku: wybrane problemy*, [w:] *Stefan Żeromski, twórca, działacz, obywatel: materiały ogólnopolskiej konferencji naukowej*, Kielce 2019, s. 9–35
- Cleall E., *Missionary discourses of difference: Negotiating otherness in the British Empire, 1840–1900*, Basingstoke 2012

- Głębocki H., *Fatalna sprawa: kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866)*, Kraków 2000
- Hofeneder P., *Translating the border(s) in a multilingual and multiethnic society: Antemurale myths in Polish and Ukrainian schoolbooks of the Habsburg monarchy*, [B:] *Rampart nations: Bulwark myths of East European multiconfessional societies in the age of nationalism*, New York–London 2019, pp. 241–262
- James L., *Raj: The Making and Unmaking of British India*, London 2010
- Kappeler A., *Bemerkungen zur Nationalbildung der Russen*, [B:] *Die Russen. Ihr Nationalbewusstsein in Geschichte und Gegenwart*, A Kappeler (Hg.), Köln 1990, SS. 19–35
- Kutiawin W.W., *Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej*, [B:] *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosja*, Warszawa 2006, s. 411–441
- Leerssen J., *National Thought in Europe: A Cultural History*, Amsterdam 2006
- Leerssen J.T., Beller M., *Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey*, Amsterdam 2007
- Lieven D., *Empire: The Russian Empire and its Rivals from the Sixteenth Century to the Present*, London 2003
- Mackenzie J.M., *Imperialism and the school textbook*, [B:] J.M. Mackenzie, *Propaganda and Empire. The manipulation of British public opinion, 1880–1960*, Manchester 2017, pp. 181–220
- Materski W., *Od cara do „cara”. Studium rosyjskiej polityki historycznej*, Warszawa 2017
- Nowak A., *Metamorfozy Imperium Rosyjskiego 1721–1921. Geopolityka, ody i narody*, Kraków 2018
- Nowak A., *Ofiary, imperia i historycy (od XVIII do XXI wieku)*, Kraków 2009
- Rash F.J., *The Discourse Strategies of Imperialist Writing: The German Colonial Idea and Africa, 1848–1945*, New York 2017
- Roldan E.V., Fuchs E. (eds.), *Textbooks and War. Historical and multinational perspectives*, Cham 2018
- Seixas P., *History in schools*, [B:] B. Bevernage, N. Wouters (eds.), *The Palgrave Handbook of state-sponsored history after 1945*, London 2018, pp. 273–288
- Składanowski H., *Relacje sowiecko-polskie w podręcznikach do nauczania historii w systemie oświatowym Rosji bolszewickiej i ZSRS w latach 1917–1991*, Toruń 2014
- Smorodinow W.G., *Moja służba w Warszawskim Okręgu Naukowym i zdarzenia ze szkolnego życia. Wspomnienia pedagoga*, Kielce 2003
- Staliunas D. (Ed.), *Making Russians: Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863*, Amsterdam 2007
- Szymański L., *Zarys polityki caratu wobec szkolnictwa ogólnokształcącego w Królestwie Polskim w latach 1815–1915*, Wrocław 1983
- Thompson E., *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*, Westport–London 2000
- Warnke I.H., Spitzmüller J., *Wielopoziomowa lingwistyczna analiza dyskursu – DIMEAN, „Tekst i dyskurs – text und diskurs” 2 (2009)*, s. 123–147
- Weeks T., *Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier 1863–1914*, DeKalb 1996
- Winiarz A., *Szkolnictwo Księstwa Warszawskiego i Królestwa Polskiego (1807–1831)*, Lublin 2002
- Wortman R.S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II*, Princeton 1995
- Zasztowt L., *Kresy 1832–1864: szkolnictwo na ziemiach litewskich i ruskich dawnej Rzeczypospolitej*, Warszawa 1997
- Zientara B., *Świt narodów europejskich*, Warszawa 2017

- Андреева Т.В., *Трансформация имперской политики в Польше от конституционализма к бюрократической централизации*, «Вестник Санкт-Петербургского университета. История» 65/3 (2020), с. 721–749
- Аржакова Л.М., *Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке*, Санкт-Петербург 2010
- Бережная Л.А., Будницкий О.В., Долбилов М. и др., *Западные окраины Российской империи*, Москва 2007
- Березович Е.Л., *Этнические стереотипы и проблема лингвокультурных связей*, „Etnolingwistyka” 20 (2008), с. 63–76
- Горизонтов Л.Е., *Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше*, Москва 1999
- Горизонтов Л.Е., *Познавая Российскую империю: Ментальные карты протонародья и образованного общества во второй трети XIX века*, „Родина” 12 (2013), с. 43–46
- Долбилов М., *Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, Москва 2000
- Долбилов М.Д., *Полонификация и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг.*, [в:] Л.Д. Гудков (сост.), *Образ врага*, Москва 2005, с. 127–174
- Заштовт Л., *Новая история стран и народов Центральной и Восточной Европы в историографии рубежа XX–XXI веков: между традиционной и постмодернистской интерпретацией*, „Славяноведение” 3 (2022), с. 89–107
- Лескинен М.В., *Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «Другой» сквозь призму идентичности*, Москва 2010
- Миллер А., *Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования*, Москва 2010
- Сдвижков Д., Шерли И., Миллер А. (ред.), *«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода*, т. II, Москва 2012
- Студеникин М.Т., *Приемы и методы обучения истории в русской школе XIX – начала XX вв.*, Москва 2016
- Студеникин М.Т., *Становление и развитие школьного исторического образования в России XVI – начала XX вв.*, Москва 2011
- Фукс А.Н., *Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVIII в. – вторая половина 1930-х годов)*, Москва 2010
- Хорев В.А. (ред.), *Россия – Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре*, Москва 2002
- Цьвікевіч А., *«Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.*, Минск 1993

Источники

- Беллярминов И.И., *Элементарный курс всеобщей и русской истории*, Санкт-Петербург 1910
- Беллярминов И.И., *Элементарный курс русской истории*, Санкт-Петербург 1891
- Васильев И.В., *Краткая история Государства Российского для начинающих*, Москва 1825
- Вегелин И.Ф., *Начертание Российской Истории, в пользу начинающих, сочиненная Иваном Филиппом Вегелином*, Москва 1807
- Глинка С.Н., *Русская история в пользу воспитания, сочиненная Сергеем Глинкой. Часть 7*, Москва 1819
- Дворников П.Ф., *Русская история*, Москва 1907

- Ефименко А.Я., *Учебник русской истории*, Санкт-Петербург 1909
- Захарьин П.М., *Новый Синописис или Краткое описание о происхождении славенороссийского народа, владычествование всероссийских государей в Нове Городе, Кивеве, Владимире и Москве*, Николаев 1798
- Иванов К.А., *Учебник русской истории*, Санкт-Петербург 1906
- Иловайский Д., *Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста*, Москва 1912
- Иловайский Д., *Краткие очерки русской истории. Приспособленные к курсу средних учебных заведений*, Москва 1860
- Иловайский Д., *Сокращенное руководство к русской истории. Для младшего возраста*, Москва 1862
- История Государства Российского, в назидание юношества. Часть Первая*, Москва 1824
- История Государства Российского, в назидание юношества. Часть Вторая*, Москва 1824
- Кайданов И.К., *Краткое начертание российской истории, составленное для руководства при первоначальном изучении российской истории профессором Иваном Кайдановым*, Санкт-Петербург 1834
- Ломоносов М.В., *Краткий российский летописец с родословием*, Санкт-Петербург 1760
- Мальгин Т.С., *Зерцало российских государей с 862 по 1789 год*, Санкт-Петербург 1789
- Новиков И., *Краткая Российская история в пользу и употребление российского юношества*, Москва 1803
- Острогорский М., *Учебник русской истории. Элементарный курс. С рисунками, картами, таблицами и вопросами для повторения. Для III класса гимназий и реальных училищ*, Санкт-Петербург 1897
- Платонов С.Ф., *Учебник русской истории для средней школы: курс систематический в двух частях: с приложением пяти карт*, Санкт-Петербург 1911
- Платонов С.Ф., *Учебник русской истории для средней школы*, Москва 1917
- Погодин М.П., *Краткое начертание русской истории*, Москва 1838
- Погодин М.П., *Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний*. 1831–1867, Москва 1867
- Скворцов И.В., *Русская история*, Санкт-Петербург 1907
- Соловьев С.М., *Учебная книга русской истории*, Санкт-Петербург 1859–1860
- Строев В.Н., *Систематический курс русской истории*, Москва 1917
- Строев П., *Краткая российская история. В пользу Российского юношества*, Москва 1814
- Турцевич А.О., *Русская история (в связи с историей Великого княжества литовского)*, Вильна 1894
- Устрялов Н.В., *Начертание русской истории, для средних учебных заведений*, Санкт-Петербург 1839
- Устрялов Н.Г., *Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое Княжество Литовское*, Санкт-Петербург 1839
- Янкович Ф., *Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи*, Санкт-Петербург 1799

Станислав Боридчченко, сотрудник Института истории Щецинского университета, лауреат стипендии министра образования и науки (РП) за значительные достижения в научной деятельности в 2022 г. Научные интересы: процесс формирования национальных и государственных границ на территории Центральной и Восточной Европы после окончания Первой мировой войны, изучение империй и империализма, учебникография выбранных восточноевропейских государств в контексте „польского вопроса” (stanislaw.boridczenko@usz.edu.pl).

Stanisław Boridczenko, pracownik Instytutu Historycznego Uniwersytetu Szczecińskiego, laureat stypendium ministra edukacji i nauki za znaczące osiągnięcia w działalności naukowej w 2022 r. Zainteresowania badawcze: proces kształtowania się granic narodowych i państwowych na terenie Europy Środkowo-Wschodniej po I wojnie światowej, studia nad imperiami i imperiaлизmem, narracja podręcznikowa w poszczególnych państwach wschodnioeuropejskich wobec „sprawy polskiej” (stanislaw.boridczenko@usz.edu.pl).

Stanisław Boridczenko, research fellow at the Institute of History of the University of Szczecin; Recipient of the Minister of Education and Science Scholarship for significant scientific achievements in 2022 (Poland). His research interests include: the process of shaping national and state borders in Central and Eastern Europe after the First World War, studies on empires and imperialism, and textbook narratives in some Eastern European countries on the ‘Polish question’ (stanislaw.boridczenko@usz.edu.pl).